

Продолжаем начатую в № 47 публикацию материалов, посвященных истории Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской консерватории. Автор и координатор проекта Д. Ю. Брагинский, редакция

Svetlana TAIROVA Ten-year school as part of my life

Svetlana Tairova, who is a general director and head editor of the Publishing House "Composer • St. Petersburg", recalls her years of study at the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory. S. E. Tairova talks about the teachers who played a special role in her life, about the wonderful musicians whom she has known since her school years, about the concert and theatrical impressions of the last year of the war and the postwar period.

Keywords: S. E. Tairova, E. P. Bayars, P. A. Volskaya, G. M. Buze, M. V. Shapiro, S. P. Preobrazhenskaya, G. E. Mshanskaya, K. E. Stolyar, E. A. Ruchievskaya, T. M. Vecheslova, the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory.

Светлана ТАИРОВА Десятилетка в моей жизни

Воспоминания о годах учебы в специальной музыкальной школе при Ленинградской консерватории генерального директора и главного редактора издательства «Композитор • Санкт-Петербург» Светланы Эмильевны Таировой. С. Э. Таирова рассказывает об учителях, сыгравших особую роль в ее судьбе, о замечательных музыкантах, с которыми была знакома еще со школьных лет, о концертных и театральных впечатлениях последнего года войны и послевоенного времени.

Ключевые слова: С. Э. Таирова, Э. П. Баярс, П. А. Вольская, Г. М. Бузе, М. В. Шапиро, С. П. Преображенская, Г. Е. Мшанская, К. Е. Столяр, Е. А. Ручьевская, Т. М. Вечеслова, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской консерватории.

Всему, что я знаю и умею, тому, как я думаю и говорю, как воспринимаю мир и окружающих меня людей, я обязана родной десятилетке.

Шел 1944 год. Еще не кончилась война, но после полного снятия блокады Ленинграда в родной город из Ташкента вернулись консерватория и школа-десятилетка. Осенью школа объявила прием.

В моей семье не было музыкантов. Мой отец, Эмиль Петрович Бояр, занимал в Ленинграде высокий административный пост¹ (по национальности он латыш, и настоящая его и моя фамилия — Баярс). Моя мама, Полина Александровна Вольская, по профессии экономист, была одаренным творческим человеком: прекрасно рисовала, писала стихи и мечтала, что ее дочь будет обязательно заниматься музыкой. Когда мне еще не исполнилось четырех лет, началась война. Родители остались в блокированном Ленинграде, а меня эвакуировали с няней, замечательной молодой женщиной из псковской деревни.

Я неоднократно убеждалась, что если человек одержим какой-то мечтой, его мечта сбудется. Мечта моей мамы осуществилась самым невероятным образом. Это случилось весной 1943 года в Уфе. Моя няня буквально на руках принесла к нам в комнату истощенную женщину, которая на улице потеряла сознание. Оказалось, что она профессиональный музыкант, эвакуирована из Ленинграда. Эта женщина и стала моей первой учительницей музыки.

Она же, уже после возвращения из эвакуации, осенью 1944 года отвела меня на прослушивание в десятилетку, и я оказалась одной из тех, кого приняли в первый класс. Нас было восемь мальчиков и девочек. В десятилетке деление на два параллельных класса — «А» (девочки) и «Б» (мальчики) — произошло несколько позже, чем в общеобразовательных школах, где раздельное обучение ввели с 1 сентября 1943 года.

Помню первый день занятий. Вместо парт — деревянные ящики. Вместе с нашей первой учительницей

¹ Э. П. Бояр руководил Управлением местной промышленности исполнительного комитета Ленинградского городского совета (*примеч. редакции*).

В 1 классе. На обороте подписано П. А. Вольской: «Светланочка. 10.05.1945 года. Первый день после войны»

1947 год. Эта фотография была с мамой С. Э. Тауровой все годы лагерей

Подпись на обороте: «На память моей дорогой любимой мамочке от ее Светика. Мне уже 14 лет. 15/IX 51 г. Ленинград»

Наталией Александровной Ольховской в класс вошел директор школы, замечательный пианист, человек редкого обаяния, профессор Ленинградской консерватории Григорий Михайлович Бузе. Было нашему директору 35 лет.

С того дня прошло много десятилетий, но я до сих пор помню его слова, обращенные к нам: «Я не могу вам обещать, что все вы станете профессиональными музыкантами, но я обещаю, что всё, чем вы будете заниматься, вы будете делать хорошо, потому что мы приучим вас *трудиться*».

А разве можно забыть слова, которые после знакомства с нами произнесла наша учительница? «Дети, — сказала Наталия Александровна, — мы будем с вами учиться читать, писать, считать и *правильно говорить*. Сейчас мы научимся правильно произносить слово ЗВОНИТ. Запомните, это слово происходит от слова ЗВОНИТЬ, а не от слова ВОНЬ. Никогда не говорите ЗВОНИТ. Нужно говорить ЗВОНИТ (ударение на И)». И по сей день, когда я слышу ЗВОНИТ, я вздрагиваю и вспоминаю свою первую учительницу.

Запомнился еще один случай — любопытный штрих к портрету эпохи. Накануне 5 декабря — Дня Сталинской конституции — Наталия Александровна задала нам вопрос: «Дети, завтра большой праздник — День Сталинской конституции. Кто знает, что это за праздник? Поднимите руки». Воцарилась гробовая тишина. И вдруг вверх потянулась рука девочки. Ее звали Женя Ефремова. «День Сталинской конституции, — торжественно произнесла Женя, — это день, когда Сталин выходит на Красную площадь».

Еще одно незабываемое воспоминание. Сольфеджио у нас вела Муза Вениаминовна Шапиро, Музочка, как все любя называли ее. Практически все, кто в недалеком будущем стал гордостью музыкальной культуры, прошли через ее руки и, главное, сердце. Одним из самых любимых учеников Музочки был Марис Янсонс. Он попал к ней уже в старших классах, когда приехал в Ленинград из Риги и отставал по уровню подготовки от своих «десятилеточных» сверстников. Музочка, не жалея ни сил, ни времени, взялась подготовить его к поступлению в консерваторию. Впоследствии она говорила мне, что ни до, ни после Мариса не встречала ученика, которому никогда ничего не нужно было повторять дважды.

В 1944 году у Музы Вениаминовны был годовалый сын — теперь всемирно известный композитор Александр Кнайфель. Дирекция школы в виде исключения разрешила ей заниматься с нашим классом у себя дома. Муза Вениаминовна жила в огромной коммунальной квартире на улице Рубинштейна, и два раза в неделю мы приходили к ней домой. На эти занятия мы шли, как на праздник.

Музочка встречала нас кулинарными шедеврами. Из какого-то невообразимого жмыха она пекла печенье, причем для каждого особой формы. Вкуснее этого лакомства не было ничего на свете.

Музочка была большая модница. Во время войны она лишилась всех своих любимых драгоценностей, но совсем отказаться от украшений не могла и купила гору копеечной бижутерии, которая была свалена в большую шкатулку. После занятий она разрешала девочкам рыться в этой шкатулке. Мы, как мартышки, уве-

шивали себя бусами, а Музочка каждой из нас объясняла, что и как нужно носить, чтобы не выглядеть вульгарно.

Предметом особых вожделений девочек была живая кукла — годовалый сын Музы Вениаминовны Шурик. Все мечтали с ним поиграть, а особенно покатать в коляске по огромному коридору. Этого счастья удостаивались только те, кто хорошо написал диктант. Перспектива покатать Шурика была мощнейшей мотивацией для наших успехов по сольфеджио. И вот уже 75 лет Шурик остается одним из самых близких мне людей.

Я хорошо помню *всех* наших учителей: музыкантов и тех, кто вел общеобразовательные дисциплины. В школе был *уникальный* преподавательский состав. Много лет спустя после окончания школы я узнала, что некоторые наши учителя — физик Ю. А. Мирский, математик И. А. Стадницкий — начинали свою преподавательскую деятельность еще в дореволюционных гимназиях и не могли снизить уровень требований, к которым привыкли. Может быть, именно этим высочайшим уровнем и объясняется факт, что один из выпускников школы тех лет, Сева Солонников, впоследствии стал выдающимся ученым, доктором физико-математических наук. Сегодня В. А. Солонников — ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского отделения Математического института имени В. А. Стеклова РАН. Окончив десятилетку по классу виолончели, поступив в консерваторию и уйдя после первого курса, он сумел выдержать огромный конкурс и поступить на физический факультет Ленинградского государственного университета.

Среди наших преподавателей *не было ни одного*, кого бы мы ненавидели, не могли терпеть или что-то в этом роде, как это нередко бывает в школах. И за это хочется сказать особое спасибо десятилетке.

Возможности рассказать о каждом педагоге, конечно, нет. Поэтому я хочу вспомнить только тех, кто сыграл особую роль в моей личной судьбе. А моя личная судьба оказалась непростой. Летом 1949 года моих родителей арестовали по печально известному так называемому «Ленинградскому делу». Мой отец был приговорен к 25 годам тюремного заключения, которое отбывал в знаменитом Владимирском центральном, а маму сослали в лагерь в поселок Абезь под Воркутой (где она оказалась в одном бараке с первой женой Сергея Прокофьева Линой Люберой).

До своего ареста, в тяжелейшие послевоенные годы мама много делала для того, чтобы благоустроить школьный быт. Как председатель родительского комитета школы, она, в частности, выступала инициатором и организатором концертов — с участием преподавателей школы и родителей учеников, среди которых было много замечательных музыкантов. Я помню Софью Петровну Преображенскую, народную артистку СССР, лауреата двух Сталинских премий, солистку театра оперы и балета имени С. М. Кирова (ныне Мариинского театра), прославившуюся исполнением партий Иоанны

в «Орлеанской деве» и Графини в «Пиковой даме» Чайковского, Марфы в «Хованщине» Мусоргского, Любаши в «Царской невесте» Римского-Корсакова. Арии из этих опер Софья Петровна вместе со своим аккомпаниатором Абрамом Давидовичем Макаровым исполняла под рояль в Концертном зале десятилетки. Ее дочь Вера (мать виолончелиста Алексея Массарского) училась вместе со мной.

В концертах принимала участие еще одна замечательная певица — солистка Кировского театра, лауреат Сталинской премии Ольга Феликсовна Мшанская. Ее дочь Ляля, ныне хорошо известная не только музыкантам автор и ведущая культовой телевизионной программы «Царская ложа» Галина Евгеньевна Мшанская училась в десятилетке в одно время со мной.

Я помню выступления выдающегося джазового трубача Якова Скоморовского (в школе учились обе его дочери), артиста оркестра Мариинского театра скрипача Сурена Закаряна, две дочери которого также занимались в десятилетке. Старшая — Седмара, пианистка — была моей одноклассницей, с которой я очень дружила. Младшая — Елена, скрипачка — в дальнейшем всю жизнь играла в оркестре Мариинского театра. Перед слушателями с интереснейшими рассказами выступал патриарх отечественного кино Фридрих Эрмлер (в школе учился его сын Марк, в будущем известный дирижер). Сбор от продажи билетов шел на благотворительные цели.

Уже много лет спустя я узнала, что именно десятилетка спасла меня от детской колонии. Все несовершеннолетние дети арестованных по «Ленинградскому делу» «врагов народа» были отправлены в колонии для малолетних преступников (одной из них была Людмила Вербицкая, впоследствии первая женщина-ректор Санкт-Петербургского университета). Трагической участи избежали только я и моя соученица по школе, дочь председателя Ленинградского Радиокomiteта Эммочка Саутина. Отправляя ни в чем не повинных детей в колонию, власть действовала «по закону» и получала на это согласие от гороно². Десятилетка же вместе с консерваторией подчинялась Комитету по делам искусств в Москве. Во избежание лишней бюрократической волокиты обо мне и об Эммочке, видимо, просто решили «забыть». И я вновь, как и во время войны, осталась на попечении моей няни.

1 сентября 1949 года я пришла в 6-й класс уже как дочь «врагов народа». Время было страшное, люди боялись даже здороваться с родными арестованных, если случайно где-то их встречали, но в моей школе учителя, родители моих друзей окружили меня таким вниманием и заботой, что ни единого раза я не почувствовала себя отверженной.

Мой педагог по фортепиано Клара Ефимовна Столяр (выпускница знаменитой одесской школы Столярского, затем окончившая Петербургскую консерваторию у Л. В. Николаева), по сути, заменила мне в эти годы

² Городской отдел народного образования (примеч. редакции).

6. Результат годовых испытаний с оценкой комиссии	
а) Исполненная программа	б) Характеристика и оценка исполнения
10/8 1952г.	
1. Бах Гирсидис и фигура Соло миз. no 11	Сделала очень хорошие учебы. Играет уверенно, осмысленно, Мелодически большой ритмической четкой интонации и мажорности в исполнении. H (+) Т. Руднев Павлова Столяр
2. Рахманинов Гирсидис миз. миз.	
3. Мендельсон, блестящее капризно.	

УСПЕВАЕМОСТЬ УЧАЩЕГОСЯ ЗА 1953/54 год:	
<p>Бояр Светлана — отличница, очень способная, развитая много читала, интересы разнообразны, наибольшую одавленность проявила к предметам гуманитарного цикла. Всегда в классе прекрасные доклады на темы, связанные с историей музыки. Хороший товарищ.</p>	
12/11-54	Воспит. Тавин

мать. Клара Ефимовна преподавала не только в школе, но и в консерватории. И очень часто она приглашала нас, учеников, на занятия в консерваторию, где занималась со своими студентами. В те годы в классе у Клары Ефимовны были известные в будущем музыканты: уже упомянутый мною Марк Эрмлер, оперный режиссер Эмиль Пасынков, один из ярчайших представителей петербургской композиторской школы композитор Люциан Пригожин. Мы всегда стремились прийти пораньше, чтобы побывать на таких занятиях. Слушая их дискуссии и часто даже не понимая многого, о чем шла речь, мы становились участниками этих обсуждений, что сыграло очень большую роль в нашем профессиональном формировании. И каждый раз, поднимаясь по мраморной лестнице первой русской консерватории, мы мечтали о времени, когда, может быть, и сами станем ее студентами.

В старших классах у нас появилась новая преподавательница по музыкальной литературе Татьяна Павловна Тодорова — жена известного композитора, профессора консерватории Бориса Александровича Арапова. Они тогда только что вернулись из Китая, где Борис Александрович какое-то время преподавал в Пекинской консерватории.

Когда Татьяна Павловна вошла в наш «девичий класс А», мы все оцепенели от восторга и широко открытыми глазами смотрели на элегантную стройную женщину, словно сошедшую с экрана какого-то трофейного фильма. Татьяна Павловна стала для нас эталоном для подражания: мы стремились копировать ее жесты, манеру говорить, слушать собеседника. Но прежде всего она была замечательным музыкантом, разносторонне образованным человеком. Татьяна Павловна обожала три оперы: «Пиковую даму», «Бориса Годунова» и «Кармен». Мы возвращались к ним в течение трех лет, и каждый раз она открывала нам новые красоты этих оперных шедевров. К моменту окончания школы мы все играли наизусть клавиры этих опер «от начала до конца и от конца до начала». Татьяна Павловна приучила нас не только слушать музыку, но и, как она говорила, «ощущать музыку пальцами».

Узнав мою историю, она стала часто приглашать меня к себе домой, я подружилась с ее дочерью Татей, с которой мы вместе занимались в одном классе у К. Е. Столяр. Ныне Т. Б. Арапова — известный искусствовед, работает в Эрмитаже. И я до сих пор очень дорожу общением с ней.

З. В. Короткова в своем кабинете в Доме-музее П. И. Чайковского в Клину

Когда я поступила в школу, у нас было два завуча. Я не знаю, как назывались их должности по штатному расписанию, но Зинаида Виссарионовна Короткова заведовала музыкальными дисциплинами, а Елизавета Мартыновна Саркисян — общеобразовательными.

Еще до ареста моих родителей З. В. Короткова ушла из школы и уехала в Клин, где стала директором Дома-музея П. И. Чайковского. Лет пятнадцать тому назад Екатерина Александровна Ручьевская, в конце сороковых — начале пятидесятих годов тоже работавшая в Клину, рассказала мне, что встречалась там с моей мамой, которая, оказываясь, приезжала к Зинаиде Виссарионовне. Я об этом визите раньше не знала или просто забыла. В Ленинграде мама тесно общалась с Зинаидой Виссарионовной, будучи председателем родительского комитета школы.

Перед Новым, 1950 годом, когда я уже полгода жила без родителей, меня вызвали в кабинет к Е. М. Саркисян, где сидела незнакомая женщина, которая сказала, что привезла мне новогодний подарок из Клина. Это был том фортепианных сочинений Глинки с теплой дарственной надписью З. В. Коротковой. Женщина передала мне слова Зинаиды Виссарионовны о том, что я могу в любое время к ней приехать, и она будет очень рада меня видеть. А после смерти Е. А. Ручьевской ее большой друг Н. И. Кузьмина подарила мне портрет Зинаиды Виссарионовны в ее рабочем кабинете в Клину, который я храню как драгоценную реликвию.

Когда мне исполнилось 14 лет, я стала готовиться к приему в комсомол. В то время меня очень опекали родители моей ближайшей подруги, которые относились ко мне, как к родной. Вместе с их дочерью я занималась

в классе К. Е. Столяр. Подруга была на год старше меня и уже год состояла в комсомоле. Понимая, что на собраниях могут возникнуть непредсказуемые ситуации, ее родители очень волновались за меня и еще накануне пригласили прийти к ним после того, как все закончится, и отметить такой знаменательный день в моей жизни.

Задолго до собрания старшая пионервожатая проинструктировала меня, как я должна себя вести: рассказывая свою биографию, я не должна была упоминать о родителях, а говорить только о моих успехах в школе, что я с честью и выполнила. Уже должно было начаться голосование, как встает моя подруга и задает вопрос: «Пусть Светлана расскажет, за что арестованы ее родители?» Зал замер. Но в этот момент наша пионервожатая взяла бразды правления в свои руки: «К делу этот вопрос не относится, голосуем: кто за то, чтобы принять Светлану Бояр в ряды ВЛКСМ? Поднимите руки». В полной тишине вверх взметнулся лес рук.

После собрания мы с подругой вместе вышли из школы. Был чудесный весенний вечер, и мы пешком пошли к ней домой. Мы шли и плакали. Она объясняла мне, что, конечно, я ее лучшая подруга, но интересы комсомола для нее дороже. А я думала о том, что недостойна ни ее дружбы, ни того, чтобы быть комсомолкой, потому что я со своей подругой так поступить не смогла бы. Когда мы пришли домой, нас уже ждали за накрытым к чаю столом.

— Ну, как все прошло? Тебя можно поздравить?

Подруга начала все подробно рассказывать и объяснять, почему она задала такой вопрос. В этот момент ее отец молча встал из-за стола, подошел к дочери и, дав ей пощечину сначала по одной щеке, а затем по другой,

вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. В комнате остались три испуганные женщины. Положение спасла мама моей подруги, начав предлагать нам выпить чай с вкусным пирогом, который она по этому случаю испекла.

До окончания школы мы по-прежнему оставались близкими друзьями, в дальнейшем же наши пути разошлись. Подруга эмигрировала и в СССР не приезжала. Но 25 лет тому назад она неожиданно позвонила мне по телефону и сказала, что в Ленинграде и хочет меня видеть. Я пригласила ее приехать. Едва войдя в дом, она бросилась ко мне со словами: «Какое счастье, что мы встретились, и я могу попросить у тебя прощения. Все эти годы меня мучила совесть за то, что я заставила тебя пережить в 51 году». Я тоже была счастлива: все-таки искалечить нас окончательно никому не удалось.

Когда ввели раздельное обучение, наш класс разделили на «А» (девочки) и «Б» (мальчики). В соответствии с нравами того времени «А» и «Б» практически не общались между собой. Большинство девочек, с которыми я училась в классе, в Ленинградскую консерваторию не пошли, а мальчики из «Б» не были моими одноклассниками.

Уже в консерватории мы во второй раз встретились с Леонидом Евгеньевичем Гаккелем, который все эти годы остается моим другом. Я очень скорблю о ранней смерти замечательного контрабасиста оркестра Мравинского и чудесного человека Германа Лукьянина, с которым мы общались во время моей работы на радио. На Ленинградской студии телевидения, куда меня распределили после окончания консерватории, работала Галина Евгеньевна Мшанская, и десятилетка вновь объединила нас. Со школьных лет мы знакомы с Катей Муриной, ныне Народной артисткой России, заведующей кафедрой специального фортепиано Санкт-Петербургской консерватории Екатериной Алексеевной Муриной, и каждая встреча с этим лучезарным человеком, замечательной пианисткой — для меня огромная радость.

Послевоенное время запомнилось ярчайшими художественными впечатлениями. Сейчас я иногда задаю себе вопрос: неужели в школьные годы я все это видела и слышала?

Впервые я услышала и увидела симфонический оркестр весной 1945 года, когда моя мама привела меня в Малый зал консерватории, где шли первые послевоенные выпускные экзамены пианистов. В битком набитом зале было много людей в военной форме. На сцене уже сидел оркестр, к роялю вышла очаровательная стройная девушка в белом платье. К сожалению, я не знаю ее имени. Она заканчивала консерваторию Вторым фортепианным концертом Рахманинова. Когда прозвучал последний аккорд, зал долго аплодировал, а с задних рядов к сцене прошел молодой человек в военной мор-

ской форме и преподнес девушке букет белой сирени. Эта картина до сих пор стоит перед моими глазами.

В 1948 году великий МХАТ отмечал свое 50-летие и приехал с длительными гастролями в Ленинград. Гастроли проходили во Дворце культуры Промкооперации (ныне ДК Ленсовета). Люди ночами стояли в очередях, чтобы купить билет.

В один прекрасный день мама сказала мне, что в этот месяц я иногда буду пропускать занятия в школе, потому что по вечерам мы будем ходить в театр. Я видела чеховские «Три сестры» с А. Тарасовой (Маша), А. Степановой (Ирина), К. Еланской (Ольга) и «Вишневый сад» с О. Книппер-Чеховой (Раневская), «Анну Каренину» с А. Тарасовой (Анна) и П. Массальским (Вронский), «Мертвые души», в которых был занят весь звездный мужской состав старого МХАТа, и, конечно, «Синюю птицу» со знаменитой музыкой Ильи Саца...

24 мая того же 1947 года моя мама взяла меня на спектакль, который можно увидеть лишь один раз в жизни. В честь 125-летия Мариуса Петипа³ в Кировском театре давали «Спящую красавицу» с тремя великими Аврорами: М. Семеновой (первый акт), Г. Улановой (второй акт), Н. Дудинской (третий акт).

С. П. Преображенская, принимавшая активное участие в проведении в десятилетке благотворительных концертов, познакомила мою маму с замечательной балериной Т. М. Вечесловой. Их сразу же сблизила любовь не только к балету и театру, но и к поэзии.

Когда маму арестовали, Татьяна Михайловна продолжала приглашать меня к себе домой и на свои спектакли. Мне посчастливилось быть в театре в июне 1953 года, когда Т. М. Вечеслова давала свой прощальный спектакль. После спектакля сестра Татьяны Михайловны взяла меня к ней в примерную. Главный художник театра С. Вирсаладзе, поправляя на Татьяне Михайловне ее неопикуемой красоты воздушное белое платье, почти плача говорил: «Тебе, Таня, на конфирмацию идти, а ты на пенсию...» Ей было 43 года...

В начале 9-го класса я серьезно заболела и практически не ходила в школу. Весь учебный год Клара Ефимовна Столяр приезжала в нашу с няней комнатку в доме на Невском проспекте заниматься со мной по специальности. Регулярно навещала меня и М. В. Шапиро, оставляя мне задания для самостоятельных занятий. Однако весной, когда нужно было сдать еще массу экзаменов по общеобразовательным дисциплинам, в том числе по математике и физике, я поняла, что сделать этого не в состоянии. И тогда моя няня поехала в школу просить, чтобы меня оставили на второй год. Заведующая учебной частью Е. М. Саркисян пригласила ее к себе в кабинет и сказала: «Светлане нельзя оставаться на второй год, ей нужно скорее получить аттестат зрелости, пока ее в любой момент не отправили в колонию». Во время летних каникул Ю. А. Мирский и И. А. Стад-

³ Фактически юбилей М. Петипа был в 1943 году, но тогда шла война. Поэтому торжества решили перенести на более позднее время.

ницкий совершенно бескорыстно занимались со мной физикой и математикой, и за два месяца мы прошли программу 9-го класса. Только благодаря моим учителям я смогла перейти в 10-й класс и в 1954 году с медалью закончить школу.

Mikhail GANTVARG School was like a home to me

Михаил ГАНТВАРГ Школа была родным домом

Дмитрий Брагинский. Журнал *MUSICUS* публикует цикл интервью с выпускниками школы-десятилетки. Каждому собеседнику мы задаем похожие вопросы, связанные со временем их обучения в школе. И первый вопрос: как началась ваша жизнь в десятилетке?

Михаил Гантварг. Она началась так же, как почти у всех там учившихся — с приемных экзаменов в первый класс. По специальности меня определили к Борису Львовичу Гутникову, но его призвали на срочную службу в армию. На три месяца я остался без педагога, пока меня не забрала в свой класс Тамара Федоровна Березникова, ученица Вениамина Иосифовича Шера. У Тамары Федоровны я и проучился с первого по одиннадцатый класс, очень ее любил, иногда немного расстраивал, особенно в старших классах, лет после четырнадцати, когда мне казалось, что у меня уже есть свое мнение. Она была добрая и мягкая женщина и очень аккуратно заставляла меня заниматься тем, чем надо. Это я понял позже. Она меня любила как мать и, может, даже больше.

После смерти Сталина, которая спасла нас всех, мои родители были реабилитированы и вернулись в Ленинград, а я получила возможность осуществить свою мечту и в том же 1954 году стать студенткой Ленинградской консерватории.

Материал подготовлен по инициативе и при участии Д. Ю. Брагинского

Interview with Mikhail Gantvarg, violinist, St. Petersburg Conservatory professor, and a People's Artist of the Russian Federation. A famous musician recalls the years of study at the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory and vivid musical impressions of those years.

Keywords: M. K. Gantvarg, B. L. Gutnikov, M. I. Waiman, Y. I. Yankelevitch, E. V. Nazaikinsky, H. Szeryng, the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, the Saint Petersburg (Leningrad) Rimsky-Korsakov State Conservatory.

Интервью со скрипачом, профессором Санкт-Петербургской консерватории, Народным артистом России Михаилом Ханоновичем Гантваргом. Известный музыкант вспоминает о годах учебы в специальной музыкальной школе при Ленинградской консерватории и ярких музыкальных впечатлениях тех лет.

Ключевые слова: М. Х. Гантварг, Б. Л. Гутников, М. И. Вайман, Ю. И. Янкелевич, Е. В. Назайкинский, Г. Шеринг, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской консерватории, Санкт-Петербургская (Ленинградская) консерватория.

Д. Б. А сколько лет было Тамаре Федоровне, когда вы начали у нее учиться?

М. Г. Наверно, 35 или 37...

Д. Б. Интересно, что вы могли стать учеником Гутникова.

М. Г. Да, мы с ним позже дружили, но учеником его я так никогда и не был. В консерватории я учился у Михаила Израилевича Ваймана. Гутников же вернулся через год после моего поступления в школу и сразу начал готовиться к какому-то конкурсу...

Д. Б. ...конкурсу имени Чайковского?

М. Г. Нет, это было уже позднее. В первый раз его не пропустили, но когда узнали, что во второй раз¹ приедет Шмуэль Ашкенази из Израиля, то повысили возрастной ценз до 33 лет и уговорили Гутникова участвовать. Он взял первую премию, Ирина Бочкова с Ашкенази поделили вторую.

Д. Б. А вы помните, что играли на вступительных экзаменах в школу?

¹ II Международный конкурс имени П. И. Чайковского проходил в Москве с 1 апреля по 7 мая 1962 года.